

услугу советским этнографам, которым наскальная живопись тувинцев еще мало известна.

Вместе с тем ясно, что археологи никак не могут принять вывода автора статьи, который гласит: «Точечная техника нанесения писаниц, по крайней мере в Туве, не является признаком исключительно тагарского времени, а продолжает существовать и гораздо позже. Доказательством является публикуемая в этой статье писаница из окрестностей с. Тээли».

Отметим также, что вряд ли возможна правильная интерпретация известных изображений на скале Бижикиг-хая у г. Кызыл-Мажалыка (стр. 47—53) без привлечения имеющихся на той же скале других, оставшихся неизвестными Н. Л. Членовой изображений (в частности — второй большой фигуры птицы).

В заключение пожелаем Н. Л. Членовой избегать в будущем излишней торопливости при публикации материалов. Это пожелание тем более уместно, что подобная же торопливость уже однажды привела ее к научной ошибке: бронзовый меч, найденный в г. Томске, был опубликован ею в качестве уникального меча, происходящего из Минусинской котловины (см. Н. Л. Членова, Бронзовый меч из Минусинской котловины, «Краткие сообщения ИИМК», вып. 60, 1955, стр. 135—138).

Л. Кызласов

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА Л. КЫЗЛАСОВА

Л. Р. Кызласов утверждает, что опубликованные в моей статье писаницы не являются новостью (за исключением писаниц из окрестностей с. Саглы), а собраны экспедицией Н. Богатырева в 1942 г. и хранятся в Тувинском музее. Разумеется, для сотрудников экспедиции Н. Богатырева, а также для людей, имевших возможность отправиться в Кызыл для ознакомления с ними, они не являются новостью. Однако мне кажется, что необходимость публикации хранящихся в музеях материалов не нуждается в доказательствах. С 1942 г. прошло уже 15 лет, а писаницы до сих пор оставались неопубликованными. Сотрудники Тувинского музея еще в 1943 г. обращались к В. П. Левашевой с просьбой опубликовать их (см. стр. 47 моей статьи). В 1953 г., собираясь опубликовать эти материалы, я вновь обратилась в Тувинский музей и получила согласие его сотрудника С. И. Вайнштейна, в ведении которого материалы находились.

Что касается вопроса о недоброкачественности рисунков 1942 г., то в связи с этим хотелось бы обратить внимание Л. Р. Кызласова на рис. 3 и фотографию 3а, являющиеся изображениями одной и той же сцены. Вряд ли можно усмотреть сколько-нибудь существенную разницу между ними. Столь же близки к оригиналу и другие рисунки, сделанные экспедицией Н. Богатырева (это проверено в нескольких случаях по фотографиям).

Л. Р. Кызласов, видимо, не заметил, что далеко не все изображения воспроизведены по рисункам Н. Богатырева, а ряд их представляет собой прорисовки с фотографий, сделанных археологической группой Саяно-Алтайской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР в 1953 и 1955 гг. (рис. 9, 11, 19), хотя об этом сказано и в тексте статьи (стр. 47).

Л. Р. Кызласов говорит о точных эстампажах с рисунков на скалах близ Кызыл-Мажалыка и Тээли, сделанных Саяно-Алтайской экспедицией 1947 г. под руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой. Однако ни в архиве ИИМК, ни в Государственном историческом музее этих эстампажей мне обнаружить не удалось. Более того, в отчете С. В. Киселева (Архив ИИМК, ф. I, д. 175) ни слова не говорится о том, что с указанных писаниц снимались эстампажи, хотя в отношении других писаниц это отмечается.

Видеть писаницы собственными глазами мне действительно не пришлось. Поэтому, прочитав в отчете Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева («Краткие сообщения ИИМК», XXVI, стр. 124, и Архив ИИМК, ф. I, д. 175, стр. 8) о том, что писаница из окрестностей Тээли нанесена краской, я обратилась к сотруднику Тувинского музея С. И. Вайнштейну с просьбой уточнить, те ли это самые фигуры и имеются ли другие красочные писаницы в Туве, предполагая сравнить их с писаницами на р. Мале, также красочными и также, по-видимому, поздними. Я получила ответ, что никаких наскальных рисунков, нанесенных краской, кроме китайских и монгольских надписей, не известно, а все писаницы, копии с которых имеются в музее, выбиты на скалах.

Я не вижу другого выхода из создавшегося положения, кроме проверки еще раз этого факта в Тувинском музее.

Что касается датировки писаницы из Тээли, то при всех обстоятельствах она остается прежней: «от VIII в. н. э. до современности», как было сказано в рукописи моей статьи (хранящейся в редакции журнала «Советская этнография»). При редактировании слова «до современности» были заменены словами «не ранее VIII в. н. э.» (стр. 63). Формулировка, на мой взгляд, ухудшилась, но ведь «не ранее» — это тоже совсем не означает, что имелся в виду именно VIII в. На дату, близкую к современной, как справедливо отметил Л. Р. Кызласов, указывают «ручи»; должна только заме-

тить, что на этот факт обратила внимание и я, специально указав, как называется это орудие у современных тувинцев (стр. 61). О том, что вильчатые наконечники стрел существуют и в настоящее время, также говорится в моей статье, причем указываются их максимальные размеры и говорится, что некоторые из них употребляются в настоящее время для самострелов (стр. 61). Наконец, лук охотника на рис. 16 я по некоторым особенностям и по величине сравнивала сама с сибирскими луками XVII и XIX—XX вв. Само собой понятно, что все эти аналогии были приведены мной для поздней границы даты писаницы (XIX—XX вв.), а не для ранней (VIII в.).

Я не берусь судить, является ли «кремневое ружье» на рис. 15 ружьем, луком или чем-нибудь другим. Б. О. Долгих, к которому я обращалась за консультацией, также не решился определить этот предмет. Человек, который его держит, изображен не вполне реалистично — с этим, я думаю, согласится и Л. Р. Кызласов. Поэтому лучше было бы вообще не строить датировки писаницы на этом сомнительном предмете. Но даже если это и ружье, то это лишь подтверждает позднюю границу датировки писаницы и датирует данную отдельную фигуру XIX—XX вв.

О пятиконечных звездах вблизи рисунков мне, действительно, ничего не известно. Разумеется, если они есть, то относятся к самому последнему времени. Но в любом случае надо установить, как эти звезды связаны со всеми остальными изображениями.

Это обстоятельство мне хотелось бы здесь, как и в статье, подчеркнуть особо. Ведь и в письме Л. Р. Кызласова вся писаница из Тээли не датируется временем после Октябрьской революции на основании изображений пятиконечных звезд. Ведь и Л. Р. Кызласов считал нужным сказать, что она относится к числу тех изображений, которые являются «современными рисунками тувинцев конца XIX и начала XX в.», и что такие рисунки могут появляться и в дальнейшем. Следовательно, и Л. Р. Кызласов признает, что писаница, в отличие от кургана, не обязательно должна датироваться по наиболее позднему изображению, а может включать разновременные изображения, причем отдельные из них могут с уверенностью быть датированы только весьма длительным отрезком времени. Но если Л. Р. Кызласов хотел быть последовательным, то нижней датой писаницы он также должен был признать VIII в. н. э. — по первому появлению стрел с раздвоенным наконечником (о том, что они есть в северной Монголии, говорится в моей статье на стр. 61; можно думать, что их найдут и в Туве).

И, наконец, последнее. Никакими средствами Л. Р. Кызласову и другим сторонникам датировки писаниц, исполненных точечной техникой, исключительно тагарским временем, не удастся удержаться на этих позициях. Вопрос решается независимо от того, точками или краской нанесена писаница из Тээли. Против даты писаницы из Саглы временем около рубежа н. э. Л. Р. Кызласов не спорит. Но есть писаницы и из Минусинской котловины, исполненные точечной техникой и изображающие стол со скатертью, стул, людей с папиросами во рту, в кепках и т. д., даже надписи на русском языке. Ясно, что тагарцам эти предметы не были известны. Подчеркну еще раз: писаница тем и отличается от курганов и городищ, что ее «древности» у всех на виду и ничего не стоит воспроизвести ее технику (как это зачастую и делают наши современники).

Смысл и цель письма Л. Р. Кызласова — отстоять старую датировку всех исполненных точками писаниц тагарским временем. Это побуждает меня в ближайшее же время предпринять публикацию современных точечных писаниц.

Н. Л. Членова

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала считает, что многие из критических замечаний высказанных Л. Р. Кызласовым в адрес автора статьи, правильны. Таковы замечания о дефектности использованных автором копий наскальных изображений и о необходимости целостного изучения всех петроглифов того или иного объекта; таковы важные поправки фактического порядка, которые Л. Р. Кызласов предложил к статье Н. Л. Членовой, введенной в заблуждение бывшим в ее распоряжении дефектным материалом.

В то же время в письме Л. Р. Кызласова имеется ряд необоснованных утверждений. Правильно критикуя положение Н. Л. Членовой о том, что точечная техника нанесения изображений якобы продолжает существовать вплоть до современности, он слишком категорично датирует эту технику только тагарским временем. Новейшие материалы свидетельствуют, что точечная техника существовала в Туве и в «скифо-сарматское» (VII в. до н. э. — первые вв. н. э.) и в древнетюркское (VII—VIII вв. н. э.), и даже в монгольское (XIII в.) время. (См. А. Д. Грач. Петроглифы Тувы. I, проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVII, 1957, стр. 385—428, табл. I—XXXII). Л. Р. Кызласов не вправе упрекать Н. Л. Членову за то, что ею не привлечены материалы Саяно-Алтайской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного исторического музея: в статье Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева, на которую ссылается Л. Р. Кызласов, нигде не указано местонахождение копий, снятых этой экспедицией с соответствующих объектов, а в архивах ИИМК и ГИМ эстампажей действи-